

Слово—боевое оружие писателя

Подкованнейшей силой назвал Владимир Маяковский слово поэта.

Это торжественное определение по праву принадлежит советским поэтам-трибунам. Огромное, неопределимое наследие приняты советскими писателями от поколений классиков великой русской литературы. Многовековая история развития русской общественной мысли рассказывает о том, каким могучим было воздействие слова Раднешева, слова Пушкина, Рыльского, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Герцена, Горького. Слово писателя распахивало устои старого строя, пробуждало волю к борьбе и веру в победу в сердцах людей.

Ни одна другая литература мира не сумела сниться с народом так неразрывно, как слалась со своим народом русская литература. Ни одна другая литература мира не пошернула из сокровищницы народного духа, мысли и творчества так много, как пошернула наша могучая литература. На протяжении долгих лет плеча замечательных писателей, неутомимых строителей культуры, отбирали то лучшее, драгоценнейшее, что сохранилось в народной речи, в памятниках народного творчества, в бесчисленных пословицах и поговорках. Задуманность народной песни, могучая патриотическая страсть и величественность народного языка — все это восприняла наша литература.

«...слово тоже есть дело», — писал В. И. Ленин, повседневно и ревностно борясь за чистоту русского языка. «Русский язык мы портим», — досадовал он. — «Иностранное слово употребляем без надобности. Употребляем их неправомерно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать «недостатки или пробелы?» В. И. Ленин призывает «объединить войну коверканью русского языка...»

М. И. Калинин, обращаясь к начинающим писателям, говорил: «Вот если бы спросил меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил — Сталин. У него надо учиться скрупулезности и кристальной чистоте языка. Попробуйте изложить коротко какую-нибудь мысль, высказанную Сталиным!» А сам товарищ Сталин сказал о роли и значении языка с предельной точностью и выразительностью:

«Язык — орудие развития и борьбы». В многочисленных своих статьях, беседах и письмах, посвященных труду писателя и его мастерству, А. М. Горький наибольшее внимание уделял языку. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры», — писал он. — «Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоноснее. Именно поэтому одни всегда стремятся приуменьшить язык, другие — оттачивать его».

Недаром литература оплотней буржуазной реакции в своем стремлении отдалить художественное слово от народа разлагает литературные формы, непомерно утолщает язык и неизменно докатывается до полного разложения самого слова, до бессмысленной зауми. За примерами ходить недалеко. Они — в любой калитке журналов, издаваемых астетствующими мракобесами Америки, Англии, Франции: бесмысленные перелоготы, выведенные спрятавшись от суда в палате психиатрической лечебницы фашистом Эррой Паулюсом, писанные ядовитой слюной сумасшедшего победителя Лурата Ф. Эпота, тупинный и ищущий Сарра. В этих журналах — рассыпающиеся слова-паралитики, истерические взвизгивания литературных клякш, таясады, нереальный дух мертвецкой...

Советская литература говорит с миром, как совесть всего честного и музественно борющегося человечества.

Велика ответственность советского писателя перед своим народом, перед каждым из сотен тысяч своих читателей — за чистоту языка, за сохранение подлинных его богатств.

Многочисленные истеричные черновики Пушкина, многочисленные варианты толстовских рукописей, кропотливые поиски точного слова в неутомимом труде Тургенева и Чехова оставлены нам поучением и заветом.

В прошлом номере «Литературной газеты», в «Заметках о сказках Пушкина», С. Маршак писал о том, как много значат в пушкинских стихах «не только каждое слово, но и каждый звук, каждая гласная и согласная».

В. И. Ленин требовал «переделывать по многу раз недозадающее или сделанное впопыхах» и говорил: «В вопросах культуры торопливости и размахистости вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы запомнить себе хорошенько на ус».

Бороться против пагубной торопливости, против преступного равнодушия к слову — прямая и первейшая обязанность редактора и критика. Но в выполнении этой обязанности и редакторы зачастую оказываются далеко не на высоте. Следовало бы помнить, как высказался к слову литератора наш чуткий и требовательный советский читатель! Он не терпит, не прощает неряшливости. В ежедневной редакционной почте всегда находится несколько писем, посвященных языку прочитанных книг.

Таких писем много. Передается последние номера журналов, Греки, о которых гордо горюют в своих письмах читатели, свойственны ряду опубликованных произведений. Подлинная сочность и индивидуальная окраска человеческих образов порою подменяются потоком блеклых, штампованных и приеданных слов.

Иногда поиски мнимой характерности в речи героев уводят автора в дебри малоизвестных областных диалектов. Иногда — и того хуже — они порождают уродливое «сдавтоворчество», далекое от живого языка и непонятное читателю.

Мелькают неряшливые, недодуманные речения. В «Однополчане» А. Розена («Звезда» № 4) спотыкаешься, например, о такую фразу: «И он вдруг резко нагнулся так, что казался, все его высокая худая фигура друстнула...»

«Хрустят фигура!» Попробуйте только образовать такое... Есть в повести портрет командира взвода Новикова: «...сложения статного, высокого роста, с лицом красивым, ярким и приветливым — да, это настоящий командир! И быть помощником такого командира — большая честь. Теперь взвод должен стать лучшим в полку».

Почему наличие «яркого лица» приводит к столь ответственному выводу, читателю непонятно.

Косноязычные строки встречаются в повести В. Старикова «Звезды победы» («Знамя» № 5): «Он дал ему и друзей, таких же, как он». Обрамление фразы местоимением «он» и только затемняет авторскую мысль. Не лучше, когда это же местоимение появляется в родительном падеже: «Единственный его сын падал по морям, и старый мастер волновался, ожидая его в отпуску».

В романе А. Черкасова «День начинается на Востоке» тетушка Фекла Макаровна вопрошает рудокосателя Григория Муравьева:

«— Не успел обонуться и опять в поезде?»

Позвольте спросить, что обозначает это уродливое словечко «обонуться»? Напомним замечательные слова А. М. Горького: «Читатели наши — простые хорошие рабочие люди, их внешними фокусами не трошшь, им нужна красота, искренность, хорошее поэтическое слово».

От фкусов, от излишних словесных вычуров необходимо оберегать писателей так же тщательно, как и от неряшливых вульгаризмов.

В погоне за мнимыми словесными «красотами» иные писатели злоупотребляют ветхими эпитетами, которые не помогают читателю понять, зрительно представить то, что хотел бы нарисовать автор. В хорошей поэме А. Смердова «Пушкинские горы» («Знамя» № 6) «...старая» пуля, свиваясь в валу, расчерчивала неба черноту... Свиваясь означает скручиваясь спиралью. Движение летящей пули нмало не напоминает спирали.

Нет надобности множить подобные примеры. Они приведены лишь для того, чтобы еще и еще раз напомнить, как важна стилистическая повседневная борьба за чистоту языка, за подлинно точное слово в каждом литературном произведении.

Выразить каждую свою мысль с наибольшей полнотой можно лишь при помощи определенных, тщательно отобранных, единственно точных слов. Все остальные, менее точные слова должны быть отброшены, как бесполезная шелуха. Отбор необходимых слов — это и есть жаркая работа писательской работы. Пренебрежение к слову равносильно пренебрежению высокой честью писателя.

Говорит «просто, по-человечески», — требовал В. И. Ленин от большевистских агитаторов, обращаясь к ним на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы.

Просто, сильно и ярко — «по-человечески» — должен разговаривать со своим читателем каждый советский литератор.

Забота о языке должна стать непрерывной и повседневной заботой каждого писателя, каждого редактора и критика. Это — дело чести литератора, его долг перед своим читателем, перед советским народом.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 74 (2561)

Среда, 14 сентября 1949 г.

Цена 40 коп.

Накануне столетия со дня рождения И. П. Павлова

Жизнеутверждающее учение

Проф. Ю. ФРОЛОВ,
заслуженный деятель науки РСФСР

27 сентября советский народ и прогрессивная общественность всего мира будут отмечать столетие со дня рождения Ивана Петровича Павлова — великого ученого и замечательного патриота нашей Родины.

И. П. Павлов был подлинным новатором, революционером в естественных науках. Его строго материалистическое мировоззрение, его твердая уверенность в победе знания над невежеством и мракобесием, циркулировавший дух борьбы с социальной несправедливостью развивались под влиянием Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Воззрения И. П. Павлова развивались также под влиянием отца русской физиологии — И. М. Сеченова.

Павлова и Сеченова — этих русских национальных гениев — родит не только их бесценный вклад в физиологическую науку и премисленность созданных ими учений, но и общность философско-теоретических взглядов. Оба они сразу и без колебаний правильно решили основной вопрос философии: что первично — сознание или материя? Оба они четко и убежденно отвечали: материя, именно она является источником ощущений, сознания.

С самого начала своей работы над учением И. П. Павлов исходил из того, что «для натуралиста все — в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину, и с этой только, обязательной для него, точки зрения душа, как натуралистический принцип, не только не нужна ему, а даже вредно давала бы себя знать на его работе, напрасно ограничивая смеельность и глубину его анализа».

Противники Павлова утверждали, что сознание — это особая нематериальная сила, действующая через мозг, но не обязательно с ним связанная. Этим они оказывали поддержку богословии, которое проповедывало догмат бессмертия души. Выступив в 1903 году со своим учением об условных рефлексах как основе высшей нервной деятельности, И. П. Павлов разбил эти бредни и тем самым укрепил позиции материалистической науки.

Смелые научные идеи И. П. Павлова, его передовые философские взгляды, его стремление преодолеть «проклятую пропасть между богатыми и бедными» оказали в полном созвучии с планами Великой Октябрьской социалистической революции, с идеями коренного, социального переустройства, в котором материалистическая наука была призвана играть важную и почетную роль. Поэтому учение И. П. Павлова о мозге и было сразу полюбено и поддержано широчайшими кругами трудящихся. Оно вошло в золотой фонд советской науки, так же как исследования К. А. Тимирязева, как учение И. В. Мичурина.

В. И. Ленин в специальном постановлении, подписанном 24 января 1921 года, указал, что научные работы И. П. Павлова имеют значение для трудящихся всего мира.

«И. П. Павлов был — и остается — одним из тех редчайших, мощно и тонко выработанных и организованных функций, которых является изучение заглавок органической жизни. Он изумительно целостное существо, созданное природой и работавшее как бы для познания самой себя», — писал о Павлове А. М. Горький.

В чем же заключается эта изумительная целостность ученого? 20-летним юношей решил он посвятить себя физиологии и всю свою долготу жизнь отдал этой науке. Целеустремленно, дерзновенно и последовательно изучая физиологию кровообращения, затем физиологию пищеварения, устанавливая причины сложных явлений, происходящих в организме, и их законы, Павлов подошел, наконец, к заветной области — физиологии мозга.

Его работы по изучению высшей нервной деятельности человека открыли новую страницу в развитии физиологической науки именно потому, что он никогда не поддавался соблазну уйти в сторону от познания материальной основы психической деятельности человека. И. П. Павлов никогда не признавал витализма, т. е. учения об особой жизненной силе.

Благодаря введенному им методу объективного изучения поведения, наука узнала, чем руководствуются млекопитающие, отыскивая пищу, каким физиологическим «комплексом» пользуются птицы, когда весной летят на север, а осенью на юг, проделывая путь в десятки тысяч километров. Каким образом рыбы на большой глубине

океана, куда не достигает солнечный свет, ориентируются в окружающей обстановке. Все это — примеры инстинктивных, врожденных форм поведения живых существ. Однако эти формы поведения не лишены образности в процессе развития живого существа условными рефлексами, ассоциациями, так же как ствол дерева обрастает ветвями и листьями. Но условный рефлекс — это больше, чем простая надстройка над инстинктивной деятельностью, это больше, чем привычка. В самом его названии — признание того, что внешняя среда определяет все поведение живых существ.

Опыты Павлова и его учение об условных рефлексах опровергли лженаучные вымыслы витализма-мракобесия, который стремится доказать, будто нашим телом командует непознаваемое «сечто». «Желтеет на молоке — духи на воле», — говорит русская поговорка, которая довольно верно определяет сущность условного рефлекса, т. е. такой ответной реакции организма на внешние воздействия, которая возникает и существует только при определенных условиях.

«...Первая система на нашей планете», — писал Павлов, — есть невыразимо сложнейший и точнейший инструмент ощущений, связи многочисленных частей организма между собой и организмом, как сложной системы с бесконечным числом внешних влияний... Постоянный связью внешнего агента с ответной на него деятельностью организма можно назвать безусловным рефлексом, а временную — условным рефлексом».

Только на основе прочно сложившихся связей, указывал ученый, в мозгу образуются новые, временные связи, условные рефлексы. Вместе с тем Павлов утверждал, что приобретенные условные рефлексы могут постепенно переходить в безусловные, последнему.

Постепенно раскрывая законы работы головного мозга, которые он скромно называл «основными принципами высшей нервной деятельности», Павлов подошел к познанию психических процессов, происходящих в человеке. Он требовал, чтобы вместо бесплодных гаданий о том, существует ли душа и где она помещается, исследователи искали способ, беспристрастный и плодотворный, помогающий разобраться в самых сложных явлениях высшей нервной деятельности человека. Его учение о функциях мозга ставит физиологию на одну ступень с другими точными естественными-научными дисциплинами.

Учение Павлова — удар по мистике. Взять хотя бы его учение о сне и смежных с ним состояниях — таких «субъясных» явлениях, как сновидение, гипноз, внушение, летаргия, сомнамбулизм. Еще недавно они были главным козырем спиритуализма и поповщины. В странах капиталистического Запада учение спиритуализма не раз облекалось во внешненаучную форму. На фантастическом анализе сновидений построил Фрейд свою псевдонаучную психиатрию и свою реакционную философию. А представители буржуазной усадьбы литературы, например С. Фрейд, ухватились за Фрейдизм как за спасительный якорь.

И. П. Павлов разрушил карточный домик психоанализа С. Фрейда, который своим писаниями стал оказывать сильное влияние не только на науку, но и на все искусство Западной Европы и США.

Великий физиолог-материалист И. П. Павлов своими трудами показал настоящее место научной медицины и во многом содействовал успехам психиатрии. Культуру, литературу и искусство он всегда связывал с высшими проявлениями человеческой личности, с творчеством общественного человека, с его трудом.

Он сумел показать неисчерпаемость ресурсов человеческого мозга и доказал, что развитие ума тесно связано с изменением окружающей материальной и социальной среды. Если бы каждый человек жил до ста лет, то все равно он не исчерпал бы того огромного числа нервных связей, которые возникают в результате бесчисленных контактов клеток в коре больших полушарий. Эти высшие нервные связи

И. П. Павлов назвал «второй сигнальной системой действительности», рассматривая ее как физиологическую основу членораздельной речи. Установлено, что высшие нервные связи развиваются только у человека в процессе труда и отсутствуют у животных, даже человекообразных обезьян. Формирующиеся в процессе исторического развития новые виды работы мозга обуславливают высшие формы общения людей между собой, их труд, речь и письмо служат для накопления и передачи общественного опыта. Вне организующей роли труда невозможно и формирование ответственного мышления.

Одной из насущных задач дальнейшей разработки учения И. П. Павлова является его увязка с теорией И. Я. Марра о происхождении языка, а вместе с тем и происхождения мышления, так как язык и мышление образуют единство.

Начатое Павловым объективное изучение законов деятельности мозга разбило с давних пор распространяемый антологатами капитализма вздорный миф о «непоклонности цветных рас». Материалистической наукой доказано, что никакого различия в умственном и нравственном отношении цвет кожи человека не обуславливает. Все то, что может создать для культуры, для науки одна раса, может дать и другая, если условия их экономического и политического развития будут одинаковыми. Вот почему материалистическое учение И. П. Павлова, придающее решающее значение условиям внешней среды, условиям воспитания, является надежным оплотом против притязаний фашистской лженауки, против расизма, ныне переживающего в научных институтах США, субсидируемые «меншестами» с Холд-стрит.

Учение Павлова не замыкается рамками лаборатории, не является оторванной от жизни дисциплиной, «наукой для науки», а служит удовлетворению практических нужд человечества. С помощью открытых Павловым законов стало возможным лечение и предупреждение ряда тяжелых заболеваний мозга, а также хирургических операций, стали понятны сложные явления психики человека и открылись новые пути в педиатрии. Его работы, его огромный вклад в мировую сокровищницу науки получили признание всего передового человечества.

И. П. Павлов, его учение дороги нам своим жизнеутверждающим активным началом, близостью к мизурным идеям. Но именно эта жизнеутверждающая, материалистическая основа учения Павлова, и его современном развитии, особенно не по вкусу угнетателям народов и их ученым зашуганкам. Они стараются сбросить его со счетов.

Учение И. П. Павлова нашло своих горевых критиков в лице американского психолога Лешли и невролога Фултона, не говоря уже о Ч. Шеррингтоне, ставивших на путь защиты мракобесия и реакции. Последний недавно заявил в своей книге «Человек о его природе», что мышление вообще не имеет никакого отношения к мозгу. Что это, как не попытка возродить фидеизм под маркой неопсихофизиологии?

И это не первый случай, когда идеализм в любом своем проявлении, спекулирует на трудностях развития науки. Так было и есть в теоретической физике, так же ныне обстоит дело и с биологией. По материализму, который неоднократно доказывал и доказывает свою плодотворность для научного прогресса, есть единственно правильное, перевеющее научное мировоззрение. Оно успешно противостоит попыткам обскурантов породить витализм. Физиологический материализм решительно опровергает мистику из последнего ее прибежища — учения о человеческой психике. Материалистическое учение Павлова о высшей нервной деятельности открыло путь к познанию материальной основы этой деятельности, позволяло раскрыть грандиозную работу головного мозга — тех четырнадцати миллиардов нервных клеток, которые образуют его рабочий аппарат. Это учение вооружает и психолога, и врача, и философа.

Работы Павлова — яркое подтверждение того, что сознание человека — отражение в его психике окружающей действительности. Павловское учение о высшей нервной деятельности служит краеугольным камнем в естественно-научном фундаменте диалектического материализма — нашего оружия в борьбе за торжество коммунизма.

С. МАРШАК

Не курящие

По прибытии в США Стаффорд Крисп заявил американцам на пресс-конференции, что он сам и Эрнст Бевин отказались от курения в связи с нехваткой долларов, которая вызвала сокращение импорта табака.

Раньше Стаффорд Крисп курил трубку, а Бевин — сигареты. (Из газет.)

Жребию Англии плачевен,
Что и говорят!
Мистер Крисп и мистер Бевин
Бросили курить.

И склонялся на уступку
Всех пришедших в зал,
Мистер Крисп пустую трубку
Молча капкал.

Мистер Бевин очень мрачно
Вынул портсигар,
Отдаст паек табачный
Он отчизне в дар!

Истощен в британском банке
Долларов запас,
Извелки давно их янки
Из британских касс...

Но не тронул дядо Сама
Никотинный бунт.
Он одно твердил упрямо:
— Обесцените фунт!

А заместо никотина
Он своим гостям
Предложил жевать резину,
То-есть «чунинг-гам»!

После всех речей блестящих
Дал он им совет
В «отделенье некурющих»
Ехать в Старый свет!

Популярные брошюры о великом русском ученом

К павловскому юбилею Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний издало массовым тиражом несколько популярных брошюр и стенограмм публичных лекций, посвященных жизни и научному творчеству первого физиолога мира.

Брошюра профессора П. Купалова «Великий русский ученый И. П. Павлов» знакомит с яркой личностью выдающегося ученого, рассказывает об основных его работах, наших улар по идеализму и мистике в учении о психической деятельности человека. Доктор медицинских наук Д. Бирюков в своей брошюре «Жизнь и деятельность великого русского ученого академика И. П. Павлова» рассказывает о важнейших этапах научного творчества Павлова. Популярному изложению работ по физиологии пищеварения и учению об условных рефлексах посвящена небольшая книжка профессора С. Дюневского «И. П. Павлов, его жизнь и деятельность». В ней показана роль И. П. Павлова, как основоположника новой науки о мозге, составляющей основу материалистической психологии.

В брошюре член-корреспондента Академии наук СССР Э. Акретина «Учение академика И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» основное внимание уделено различению созданного Павловым учения о работе больших полушарий головного мозга.

Большой интерес представляет новое издание лекции И. П. Павлова «К физиологии и патологии высшей нервной деятельности». Лекция эта была прочитана великим ученым 12 января 1930 года в Институте усовершенствования врачей. В лекции дано популярное изложение учения о высшей нервной деятельности.

В ближайшем будущем в свет стенограммы публичных лекций и брошюры академика К. Быкова «Роль коры головного мозга в деятельности внутренних органов», проф. И. Рязанкова «Учение И. П. Павлова о физиологии пищеварения и его значение в медицине», проф. В. Строганова и кандидата биологических наук Н. Шустина «Жизнь и творчество И. П. Павлова».

Антология венгерской поэзии

Гослитиздат подготовляет к печати антологию венгерской поэзии, в которой будет представлено творчество 56 авторов, начиная от классиков XVI века и кончая современными поэтами.

Советские читатели знакомы с венгерской поэзией по произведениям Петфи, выпущенным в издании «Венгерская поэзия» и других. Но впервые теперь будет издана столь полная — 14 тысяч стихотворных строк — поэтическая антология, содержащая, помимо образцов творчества крупнейшей поэты, девять тысяч строк произведений фольклора.

Книга открывается стихотворением первого венгерского поэта Петра Борнишеса. 400 лет назад, во время немецко-турецкого владычества в Венгрии, поэт мечтал об освобождении своей родины: «О, буду ли я вновь в любимой Буде жить? Классическая поэзия представляет произведения Балннта Балаша (1551—1594), Витеза Михая Чокшая (1773—1805), Яноша Аряны (1817—1882), Михая Веренцери (1800—1855). Читатель найдет здесь произведения классиков второй половины XIX и начала XX века: Яноша Вайда, Эндре Ади, Атили Иожофи и других, а также лучших поэтов демократической Венгрии: Дьюлы Ийеша, Золтана Зелья, Петра Кушжа, Дьюлы Тот, Ласло Беньямина, Оскара Геллерта и др. Все произведения антология (составленной и редактируемой А. Красновой) печатается в переводе советских поэтов — П. Тиханова, М. Исаковского, С. Маршака, В. Инбер, Л. Мартынова, М. Зенкевича и других.

Основные этапы развития венгерской поэзии и характеристика отдельных авторов даны во вступительной статье А. Гишаша, который подчеркивает, что венгерская поэзия сильна своими демократическими традициями.

В противовес старым буржуазным изданиям, искажавшим облик венгерской поэзии, выпущенная антология подчеркивает силу демократического духа, ее свободный, лирический дух. Этим она подтверждает принцип советского издания произведений Петфи, о котором Андор Габор писал недавно в литературно-художественном журнале «Форм» (Будапешт): «Не надо забывать, что до сих пор на всех западных языках Петфи переводили, как великого лирика. Один отрицали, другие считали заблуждением, третьи «приорили» ему, что он был великим певцом революции. Изыбранный Петфи на русском языке — это первое за сто лет издание, в котором показаны социальное значение и революционный дух творчества великого поэта».

К ДЕКАДЕ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

21 сентября в Колонном зале Дома союзов открылась декада таджикской литературы.

В эти дни литераторы Москвы вместе с писателями Таджикистана обсуждают творчество участников декады. Таджикские писатели встретятся с общественностью столицы. Они побывают в Военно-политической академии имени М. В. Фрунзе, во Дворце культуры имени Ленина, у студентов Московского университета, в клубах и на предпрятиях Москвы.

В декаду примут участие писатели Салиддин Айти, Мирзо Турсунза-

де, Розия Озод, Мирсад Миршакар, Джалол Икрами, Рахим Джалил, Аширнат Назаров и другие, а также деятели культуры и искусства республики.

Позавчера для участия в декаде в Москву приехали: председатель Президиума Верховного Совета Таджикской ССР М. Шагадаев и старейший писатель Таджикистана С. Айти.

На фото (слева направо): Мирзо Турсунзаде, М. Шагадаев, С. Айти, профессор Л. Климович на Казанском вокзале.

Фото Е. ТИХАНОВА.

Т. ЛЕОНТЬЕВА

Есть явления в нашей социалистической действительности, для раскрытия о которых трудно сразу найти нужные слова и краски. В облике советского человека раскрываются вдруг во всей их свежести новые, необыкновенные черты, для которых нет определений в старом словаре.

Михаил Мельников — лейтенант Советской Армии, лаборант Артиллерийской академии. Ему 22 года. Он слез слезами, готовясь поступить в число слушателей академии. Он секретарь комсомольской организации, и свободного времени у него совсем нет. Однако этот молодой человек — не педагог, не отец семейства — выкраивает часы для того, чтобы аккуратно через день приезжать в детский дом № 22: комсомольская организация академии шефствует над этим детским домом, и Митя Мельников — член почетного совета.

Почетитель! За этим простым словом кроется огромная работа советского народа о наших детях.

Советские люди считают великой честью, что им доверено быть почетными родителями, принимая участие в воспитании детей тех, кто отдал жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

В 1943 году возле Сталинграда, в Алексеевском районе был организован Ларинский детский дом. В ноябре 1943 года в этот детский дом пришли первые 18 воспитанников, отцы которых погибли при защите города-героя. Не только город, но и вся область окружили детей отеческой заботой. Каждое предприятие, каждый колхоз, каждая семья трудящихся проявляли трогательный, беззаветный интерес: как там наши дети?

Пропло около шести лет. Теперь в Ларинском детском доме 150 воспитанников. Для них выстроены и оборудованы прекрасные здания и посажены великолепные сады. В саду 1.200 плодовых деревьев, 1.400 кустов малины, смородины, крыжовника. Клубника высаживается на одном гектаре, а в прошлом году было посажено холмистыми 4.000 виноградных лоз и 100 лимон.

Не так давно тов. Сухованов, председатель Алексеевского райисполкома и председатель почетного совета Ларинского детского дома, перечисляя на заседании в Министерстве просвещения, из чего состоит хозяйство этого детского дома: «... коров — 76, птицы разной — 220, лошадей — 10, свиней — 20, овец — 44, ульев — 25...»

У Ларинского детского дома на текущем счету без малого полтора миллиона рублей. Он имеет возможность учить своих детей музыке, иностранным языкам, разнообразным ремеслам и профессиям в производственных мастерских.

Государство затрачивает огромные средства на детские дома. Только по РСФСР это составляет около 3 миллиардов рублей в год. Нужно по-хозяйски, по-отцовски проследить за тем, как тратятся эти средства, направить их на действительно нужды детей. Почетители устраивают дежурства, следят за питанием, успеваемостью, самочувствием воспитанников, а главное — вносят в детский дом атмосферу семьи, любви, заботы.

Меня часто спрашивают, — говорит артист Зарубев, председатель почетного совета Московского детского дома № 52, — какие «мероприятия» проводятся в детском доме, в котором бываю каждый день? Не знаю, как ответить на этот вопрос. Какие «мероприятия» проводятся в доме со своей собственной дочерью?.. Я ее люблю. Я с ней играю. Я забочусь о том, чтоб у нее были ботиночки, шапка, игрушки. Мы с ней делим вместе радости и огорчения. То же самое я делаю и в детском доме.

Честь и слава замечательным людям, подлинным советским патриотам, которые помогают создавать детям-сиротам счастливое детство! Таких людей сейчас уже много тысяч в нашей стране. И на этом общем фоне кажется почти невероятным, что встречаются еще такие «шефы», такие «почетители», которые могут отнестись формально к своим священным, благородным обязанностям.

Никто ведь не принуждает брать шефство над детским домом. Это—дело вполне добровольное и диктуется простыми человеческими чувствами, которые ни в какие ведомости не занесешь. Но вот встречаются все же у нас патентные бюрократическими пережитками люди, способные даже такое настоящее народное дело, как шефство над детским домом, загнать в канцелярские рамки.

Стыдно называть, но приходится: есть у нас такая почтенная и могущественная организация: Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов. В составе ВЦСПС есть детская комиссия. Председатель ее Полина Арсентьевна Быкова исправно рассылает инструкции профсоюзам, поучая их, как надо проявлять заботу и внимание к детям и к детским домам. Но... удивительное дело! Коллектив центрального аппарата ВЦСПС и сама руководители этого большого учреждения обнаруживают рыбье равнодушие к своему подшефному детскому дому № 52. Ну, многодетный, скажем, в Октябрьском районе, после неоднократных напоминаний «шефа» — коллектив работников ВЦСПС вспоминает о каких-то своих обязательствах и присылает в детский дом, которого он не знает и не любит, либо билеты в Колонийный зал, либо какую-нибудь трубу или бакалайку. Но самим приезжать в детский дом и поинтересоваться его нуждами — никому из руководителей ВЦСПС и их многочисленных помощников даже не приходит в голову. Кстати, одним из членов почетного совета этого детского дома является та же... Полина Арсентьевна Быкова.

Для еще примеров. Спасский совхоз, Орловской области, шефствует над Колонийским детским домом. Однажды «шеф» прислал детскому дому № 52. Ну, многодетный, скажем, в Октябрьском районе, после неоднократных напоминаний «шефа» — коллектив работников ВЦСПС вспоминает о каких-то своих обязательствах и присылает в детский дом, которого он не знает и не любит, либо билеты в Колонийный зал, либо какую-нибудь трубу или бакалайку. Но самим приезжать в детский дом и поинтересоваться его нуждами — никому из руководителей ВЦСПС и их многочисленных помощников даже не приходит в голову. Кстати, одним из членов почетного совета этого детского дома является та же... Полина Арсентьевна Быкова.

При Череповецком детском доме в той же Орловской области был создан почетный совет. В состав его вошли председатель райисполкома тов. Вороненкий и директор МТС тов. Карев. Они ни разу не собрались побывать в детском доме.

Видимо, Вороненкий и Карев — весьма «перегруженные» товарищи! Нельзя ли посоветовать им проявить заботу о председателе Тобольского горисполкома тов. И. М. Боганчикова или, скажем, члена-корреспондента Академии наук СССР И. М. Дружинина. Эти, не менее занятые люди находят все же время, чтобы бывать в подшефных детских домах, писать письма детям, проявлять о них вселучскую заботу.

К счастью, такие шефы, как ВЦСПС, как Вороненкий и Карев, — редкое исключение.

Мне довелось побывать недавно в той же Орловской области, в Некрасовском детском доме. Этот дом был организован в 1943 году, сразу же после освобождения Орла от гитлеровцев. Начинать нужно было на пустом месте. Здесь при фашистах размещался концентрационный лагерь: множество могил, колючая проволока, орудия пыток, вырубленный яловосевый сад — вот та картина, которую являло собой это место.

ВОЗРОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЦЕНТРА

TARTU. (Эстонская ССР). Пять лет назад были изгнаны из Тарту — старейшего университета города — немцы-фашисты захватчики. За эти годы город остался из руин, превратился в крупный культурный центр Советской Эстонии. Возрожден старейший университет, основанный более 300 лет назад. За последние годы восстановлено двенадцать факультетских зданий, вновь открыта разграбленная коллекция университетской библиотеки, насчитывающая ныне более одного миллиона книг, выстроены просторные студенческие общежития.

Кроме университета, в городе работают учительский и художественный институты, четыре института Академии наук Эстонской ССР, техникумы, 18 школ. В городе открыто шесть домов культуры и клубов, восстановлены театр «Ванемуйне», четыре библиотеки, несколько кинотеатров.

Растет и город. Восстановлено 337 зданий. На городских площадях и магистралях посажено более тридцати тысяч деревьев и кустов.

Кроме университета, в городе работают учительский и художественный институты, четыре института Академии наук Эстонской ССР, техникумы, 18 школ. В городе открыто шесть домов культуры и клубов, восстановлены театр «Ванемуйне», четыре библиотеки, несколько кинотеатров.

Растет и город. Восстановлено 337 зданий. На городских площадях и магистралях посажено более тридцати тысяч деревьев и кустов.

Б. ВЫХОВСКИЙ «Последнее слово» американизированной науки

Битва Лектона дю-Нуи «Человеческая судьба» — наглядное свидетельство катастрофической судьбы, на которую обречена наука в разлагающемся империалистическом мире. Эта книга, вместе с тем, — наглядный пример того, как современная буржуазная наука ослабляет популицю, фиделии новой аргументацией. Автор книги, умерший незадолго до ее выхода в свет, в прошлом руководил биологическим отделом Пастеровского института в Париже. Затем, пролившись американцем, он отбавлял положенные ему доллары в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке. «Человеческая судьба» имеет все внешние атрибуты ученого труда, и реакционная американская пресса всячески их подчеркивает: пред вами, мод, не очередная страница херстовской рептилии, а «настоящий» ученый труд «настоящего» ученого. Благодаря неустанной рекламе реакционных газет, журналов, книжных клубов, книга дю-Нуи имеет судьбу совершенно необычайную в США для научных трактатов. Она распространяется огромными тиражами, даже несколько сотен тысяч экземпляров; она занимает прочное место в списках «бестселлеров» (хотим мы или нет различия изданий). Американцев заставляли читать дю-Нуи, говорили о нем, верить ему.

В чем же секрет «Человеческой судьбы» дю-Нуи? Ведь не стали же популярными книгами в США исследования видного американского физиолога Каннона или научно-популярные работы биохимика Нидхэма, проникнутые прогрессивными идеями?

«Человеческая судьба» — документ идейного марша буржуазной идеологии. Ее автор — сторонник католической мракосеи и агент Ватикана в среде ученых. Он и не скрывает того, что вся наукообразная бутафория его книги представляет собой не что иное, как попытку сокрушить научную теорию эволюции. Он предлагает учение Дарвина. Он отвергает всякое естественное объяснение эволюции. Он провозглашает всякий детерминизм, всякое научное понимание закономерности и причинной обусловленности вообще. Поставив своей задачей укрепление основ религии, он грубо и беспеременно фальсифицирует выводы биологической науки, открыто выступая под знаменем телеологии — признания сверхъестественного целенаправленного начала, лежащего якоря в основе всякой эволюции. Эволюция из закономерного процесса снова, как в прадетовские времена, превращается в волюнтаризм нашего времени в противоборствующий процесс осуществления

следует определенные клерикальные цели: «Наукой», — пишет он, — пользовались для подрыва основ религии. Науку следует использовать для укрепления религии».

Философские предисловия, используемые дю-Нуи для подрыва основ науки, ветхи и убоги: это старый идеалистический хлам. «Нам следует помнить», — пишет дю-Нуи, — что мы ничего не знаем и, вероятно, никогда ничего не узнаем об отношении между таинственной и гипотетической вселенной, созданной нашей логикой и гением с помощью элементов, составляемых кривым зеркалом наших ощущений, и реальной, молчаливой и бесцветной вселенной». Старая, нудная песня обскурантов: «Не знаем и никогда не узнаем!» Мир, каким он дан в ощущениях, каким он познается в результате логического анализа и практической проверки опытных данными, объявляется «таинственным и гипотетическим», а «непознаваемый» мир, не оправданный опытом и разумом, противоречит объективно-исторической практике, — «реальным». Отсюда они шаг от научного познания к «сверхразумной интуиции», т. е. к неограниченному разгулу мракосеи. Сделав этот шаг, дю-Нуи чувствует себя в своей родной стихии.

С этой «возвышенной» позицией дю-Нуи сокрушает научную теорию эволюции. Он предлагает учение Дарвина. Он отвергает всякое естественное объяснение эволюции. Он провозглашает всякий детерминизм, всякое научное понимание закономерности и причинной обусловленности вообще. Поставив своей задачей укрепление основ религии, он грубо и беспеременно фальсифицирует выводы биологической науки, открыто выступая под знаменем телеологии — признания сверхъестественного целенаправленного начала, лежащего якоря в основе всякой эволюции. Эволюция из закономерного процесса снова, как в прадетовские времена, превращается в волюнтаризм нашего времени в противоборствующий процесс осуществления

таинственных целей, предназначенных природе богом. Телеология, столь жестоко осмеянная еще Вольтером в «Кандиде», та самая телеология, на которой язвительно издевался Сен-Пьер, говоря, что для ее превращения полосу на дынной корке созданы господом богом для того, чтобы хозяину дома удобнее было разделить дыню между членами семьи, снова принимается на вооружение буржуазной наукой.

Дю-Нуи так ненавидит научную теорию эволюции, что он не довольствуется тем, что называет свое, с позволения сказать, «учение» телеологией. Этого для него мало. Во Франции для обозначения телеологии (от греческого «telos» — цель) часто употребляется термин «финализм» (от латинского «finis») в смысле — конечная цель, предназначение. Он называет свою антинаучную стрляню «телефинализмом», чтобы было понятнее: мракосеи в квадрате!

Но все это лишь сиренные цветочки, а дынные ягоды — впереди. «Конечная цель» и «предназначение» всего этого телеофиницистического бреда — новая «теория» происхождения человека. Именно в этой теории — последнее «достижение» буржуазной «творческой» мысли XX столетия, именно ей обязана своей необычайной популярностью в США книга дю-Нуи, достойного продолжателя «блудов» с дейтольского «обезьяньего процесса». Конечные выводы этой мощной доктрины, доминирующей занять место дарвиновского учения о происхождении человека, — архаичный образчик старческого слабоумия буржуазной науки эпохи империализма. «Наши» выводы, — заключает свои рассуждения профессор дю-Нуи, — тождественны с выводами, изложенными в библии во второй главе книги «Бытия», где, как известно, сказано: «И создал господь бог человека из праха земного, и вдухнул в него дыхание жизни, и стал человек душою живою». Американским читателям, восхитенным этим великим открытием, остается лишь сказать: «Аминь!» — и облегченно вздохнуть по поводу того, что материализм посрамлен и библия торжествует.

Нью-Йоркские несуты из Фордхемского католического университета (одного из самых мрачных очагов чернотности в

США) в восторге: вот это наука, так наука! Незуточный «профессор» Джозеф Келли, посвятив книгу дю-Нуи возмуженную статью под заглавием: «Революция в эволюции». Материалистические эволюционисты, негодует Келли, требуют, чтобы мы приняли неоконченную гипотезу эволюции, но являясь пророк дю-Нуи и возвестил новую эру в биологической науке. Он доказал, что величайший момент в истории эволюции истерияющие описан во второй главе книги «Бытия». Дю-Нуи объяснил все великое значение слов: «И вдухнул в него дыхание жизни». Эти слова объясняют, как наступила новая фаза эволюции. Теперь, после открытия Лектона дю-Нуи, заявляет Келли, окончательно «отброшена материалистическая интерпретация человека... Родственные узлы даже с высшими антропонидами порваны».

История с книгой дю-Нуи — характерный эпизод из современной «культурной жизни» США. Он особенно поучителен в свете той сивотности, которую поднимает реакционная пресса по поводу выданных успехов научной биологической мысли в СССР. Пролетарские писки и радиоврали, столь рьяно выступавшие «в защиту» биологической науки от «притеснений» и «преследований» буржуазно-мракоискусств, — это те же самые пропагандисты невежества и мракосеи, которые выдают поповскую отраву дю-Нуи за новейшее слово науки и дурманят сознание американского народа.

Дю-Нуи не останавливается на ветхозаветной мудрости. Он дополняет ее новым заветом фашизма. Человек, возмечает он, не последнее звено в эволюции; назначение телеофиницистической эволюции — сверхчеловек, попирающий народные массы; демократический принцип, препятствующий развитию «избранных», касты господ, велит, изволте видеть, к гибели цивилизации. Политический смысл этой бредовой «теории» — аналогия неадекватного авторитарного режима фашистской диктатуры. Так борясь против подлинной науки, против материализма, против культуры идет рука об руку с борьбой против демократии, против народа, против социализма. Мракосеи и филемизм неизменно оказываются знаменем империалистической реакции и подголосков фашизма,

РУССКИЙ УГОЛЬ И АНГЛИЙСКИЕ „МАСТЕРА“

До последнего времени история открытий крупнейших угольных бассейнов нашей страны оставалась неисследованной. Сведения о первых разведках и разработках каменного угля в России носили отрывочный и разрозненный характер, искажались исторической ложью. Многие открытия промышленными угольными месторождений в России с деятельностью иностранных «специалистов», наводивших нашу страну в XVIII и XIX столетиях.

Многочисленные документы, обнаруженные в 1945—1948 гг. в Центральном государственном архиве древних актов, полностью развеяли эту легенду и установили имена подлинных зачинателей отечественного каменного угольного промысла, простых русских людей — подьячего Григория Капустина, крепостного крестьянина Ивана Белого, рудоискателей Ивана Палицына, Ивана Сереткина и многих других.

Архивные документы свидетельствуют об организации разведки угля и начале разработки месторождений еще во времена Петра I. Так, Григорий Капустин обнаружил каменный уголь в конце 1721 года «на Дону» в казачьих городках, в Оленьих горах. По указу Петра I Берг-коллегии — высшее горное ведомство — приступило к обследованию этого угольного месторождения. Пока экспедиция готовилась, рудоискатели Иван Палицын и Марк Титов открыли месторождения угля в районе нынешнего Подмосковского бассейна.

Специалисты по разработке каменноугольных месторождений в России тогда не было. Из Англии приехал «угольный мастер» Никсон с четырьмя помощниками. Документы рисуют неприглядную картину «деятельности» этих иностранцев. Они не только не помогли, но задержали разведку промышленной добычи угля в Лопненском и Подмосковском бассейнах. Их главной целью была личная выгода. Архивные материалы неопровержимо свидетельствуют о прямом саботаже, вымогательствах и срыве ими работ русских экспедиций.

Сохранились письма Капустина и участника экспедиции унтер-офицера Андрея Маслова, в которых они просили Берг-коллегию принять меры против подлой деятельности англичан. По этим сигналам Берг-коллегия приняла решение о высылке Никсона из России обратно в Англию.

В сорочковские годы XVIII века к вопросам разведки угля русские люди вернулись в связи с проектами строительства южных металлургических заводов. Дореволюционные исследователи считали основателем южной металлургии англичанина Юза, построившего в 1871 году первый завод в Бахмутском уезде, или же начинали ее историю с создания в 1796 году Луганского завода.

На самом деле, как показывают документы, первый железодобывательный завод был построен белгородцем Иваном Морозовым на реке Терсе в 1743 году.

Многие из этих документов имеют более чем 225-летнюю давность. Они положены в основу большого исследования профессора А. Зоренькина — «Открытие и начало разработки угольных месторождений в России». Первый том этого труда выущен на-днях Государственным научно-техническим издательством Министерства угольной промышленности СССР. Во второй том, который готовится к печати, войдут документы об открытии и начале разработок каменного угля в Кузнецком, Кизеловском и других бассейнах страны.

Музыкальные школы на заводах и в колхозах

КИЕВ. (По телефону). Во многих украинских селах за последние годы, по просьбе колхозников, созданы музыкальные школы для детей. Такие школы имеются в селах Корсунь-Сталнической области, Музичин-Киевской области, в колхозе «Днипробуд» — Днепропетровской области. Десятки новых музыкальных школ открываются в ближайшее время.

МИНСК. (Наш корр.) С каждым годом растет количество филиалов музыкальных школ имени Л. Александровской. В прошлом году такие филиалы работали на автомобильном заводе и в окружном доме офицеров. С нынешней осенью открываются музыкальные школы для детей работников тракторного завода. Первые музыкальные школы создаются по просьбе колхозников и в селах.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ Сохранить Прикудьяминскую пойму

Недалеко от города Горького протекает река Кудьяма. Она пересекает значительную часть области, уходящая прилегающие поля.

Реку Кудьяму на всем ее протяжении обступили леса, которые представляли собой естественные подезащитные полосы. Колхозы имели на пойме реки Кудьямы пастбища.

Но полному освоению богатств Кудьяминской поймы препятствовали заболоченность речной долины и излишество русла.

В 1940 году СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление «О мероприятиях по дальнейшему развитию и укреплению картофельно-овощной и животноводческой базы вокруг города Горького».

На основании этого постановления исполком Горьковского облисполвета и бюро обликома ВКП(б) вынесли решение «О мелиоративном строительстве на пойме реки Кудьямы».

«...Приведение в культурное состояние 12 тыс. га заболоченных земель», — говорилось в этом решении, — расположенных в пойме р. Кудьямы, откроет новые возможности для урениения кормовой базы колхозного животноводства, расширения посевов овощных культур и повышения их урожайности.

Регулирование р. Кудьямы и ее шлюзование даст возможность колхозам создать ряд электростанций и мельниц».

Население близлежащих колхозов с огромным удовлетворением встретило это постановление. Было принято единодушное решение: строительство производить методом народной стройки.

Эксперты продолжили главные магистральные оросительные системы, спрямили русло Кудьямы на расстоянии 54 километров и произвели доуглубительные работы. Пойма была осушена.

Но строительство сооружений было выполнено только наполовину. На участках, до шлюзов не были построены, река начала мелевать. Мелководье вызвало резкое снижение уровня грунтовых вод на пойме. Пастбища, ранее страдавшие от болот, теперь оскудевают от недостатка влаги.

Кроме того, невыполнение плана строительства шлюзов препятствует сооружению гидроэлектростанций.

В райисполкомах не знают, где и силами каких колхозов должно производиться строительство гидростанции. В 1940 году в Кстовском районе строили станцию поручили вязовскому колхозу «Имени 8 мар-

та». Когда были произведены основные земляные работы и заложены основанные пилота, строительство вдруг было передано Б. Борисуевскому колхозу «Ленинец». Но последний не смог проложить начатое дело. Тогда райисполком решил возложить строительство на колхоз деревни Ройка. Но тот отказался, сославшись на недостаток рабочей силы. Так дело и повисло в воздухе.

Такая же неразбериха и в Богородском районе.

Из постановления «О мелиоративном строительстве на пойме р. Кудьямы» ясно, что пойменные земли должны использоваться колхозами. Однако сам облисполком нарушает свое же постановление, шедя на поводу участка на пойме подсобным хозяйствам различных учреждений.

В Кстовском районе на небольшом участке поймы обособилось 7 подсобных хозяйств.

Подсобные хозяйства распахивают дугные и пастбищные уголья колхозов, выращивают и раскочерчивают наиболее ценные участки леса, а осушенные болота остаются неиспользуемыми и зарастают кустарником.

Работники Кетовского и Богородского лесничества не дорожат лесами, не охраняют их. Леса заброшены и местами вырублены начеком.

Может быть, т. Евстигнев из Новинского совхоза объяснит, куда девался столетний дубовый бор, что стоял возле станицы Кудьяма, служивший яловосевым местом отдыха и массовых гуляний трудящихся г. Горького?

Не менее печальные следы оставили подсобные хозяйства Канавинского промкомбината, «Гастронома», драматического театра, макаронной и кондитерской фабрик.

Почему руководители Горьковского облисполвета с таким положением на Кудьяме и не спешат завершить работы по реконструкции ее поймы?

Почему в то время, когда партия и правительство уделяют столько внимания поделу сельского хозяйства, в Горьком не используются богатства Прикудьяминской поймы?

Эти вопросы относятся прежде всего к нам, тов. Зильнов, председателю Горьковского облисполкома.

Д. БЕЛЕВСКИЙ

г. ГОРЬКИЙ.

Бюрократы мешают учиться

В 1946 году я поступил на заочные Центральные курсы иностранных языков («Ин-яз»), находящиеся в Москве (Московский шоссе, д. 1). Прошло уже почти 4 года, а я никак не могу оканчить даже второй курс отсечения немецкого языка. Почему это произошло? На курсах плохо организован учебный процесс. Меньше всего обращают здесь внимание на то, как учился тот или другой курсант, как выполняет он работы. Основное внимание направлено на взаимные с курсантов завосов за обучение.

Проработав только еще четвертую лекцию первого курса, я вдруг получаю... 11-ую лекцию за второй курс. Пока выискивал, что эта лекция ошибочно прислана мне экспедицией, прошло четыре месяца.

В 1947 году, начиная с июля, кончая декабрем, учебная часть не выискала мне очередных заданий, мотивируя тем, что будто бы я задержал плату за обучение. На самом же деле деньги я выиссал своевременно.

С ноября 1948 года и по март 1949 года в течение пяти месяцев я ждал ответа на посланную работу по 12-й лекции и... не дождался. После трехкратного запроса мне пришлось заново выполнять контрольную работу.

Сейчас моя контрольная работа по той же злополучной 12-й лекции снова задержана. Я опять оказался должником. Пока я не выислю денег, моя работа не будет проверяться. Этак пройдет, пожалуй, месяц. А пока проверять мою работу — пройдет еще месяц.

Вот и получается, что больше одной-двух лекций в год проработать невозможно.

Органы, которым подведомственны эти курсы «Ин-яз», должны по-серьезному изучать положение на курсах и внести нужные изменения в систему их работы.

Н. ПАРУКОВ,
курсант-заочник курсов «Ин-яз».

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ПРИСЛУШАТЕСЬ К ГОЛОСУ КИНОЗРИТЕЛЯ»

Опубликованная в «Литературной газете» (№ 67 от 20 августа) статья И. Колтунова «Прислушайтесь к голосу кинозрителя!» совершенно правильно отмечает недостатки отдельных контур Главлитпроката как в вопросах репертуарной политики, так и в организации повторного выпуска лучших советских фильмов производства прошлых лет.

Указанная статья 2 сентября была обсуждена на заседании Коллегии Министерства кинематографии СССР. Намечены конкретные мероприятия, направленные на дальнейшее улучшение работы Главлитпроката и его местных контур.

Для оказания практической помощи Министерству кинематографии Эстонской ССР в дублировании русских фильмов на эстонском языке Главное управление по производству художественных фильмов Министерства кинематографии СССР направляет в Эстонию опытного специалиста.

Министр кинематографии СССР И. БОЛЬШАКОВ

надзирали о неудовлетворительном продвижении учебников в школы Калининской области.

Заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Калининского обликома ВКП(б) тов. Петров сообщил редакции, что факты, изложенные в корреспонденции, подтвердились. Приняты срочные меры в доставке учебников с баз Когина в школы. В то же время тов. Петров указывает, что к началу учебного года область не получила учебников шестнадцати названий, в том числе по ботанике, анатомии и физиологии человека, химии, географии СССР, истории СССР, современной литературе и др.

ЛИТЕРАТУРНОМУ КРУЖКУ ОКАЗАНА ПОМОЩЬ

Под рубрикой «Нам пишут» в «Литературной газете» (№ 54 от 6 июля) было опубликовано письмо тов. Золотогова из Сочи, в котором говорилось об отсутствии внимания со стороны местных организаций к литературному кружку им. Островского.

Заведующий отделом пропаганды и агитации Краснодарского крайкома ВКП(б) тов. Гейко сообщил редакции, что Сочи-ским горком партии и краевое отделение Союза советских писателей приняли по письму необходимые меры. Для занятий кружка предоставлено помещение. В очередном номере альманаха «Кубань» будет широко показано творчество кружковцев.

«НАМ ПИШУТ»

Под такой рубрикой в «Литературной газете» (№ 61 от 30 июля) было опубликовано письмо тов. Шуваловой. В нем говорилось, что в Бахчисарайском плоду заботится о содержании в порядке могла советских войнов, павших в боях за освобождение Крыма от немецких захватчиков.

Письмо тов. Шуваловой обсуждалось на заседании Исполнительного комитета Бахчисарайского горкома, и по нему были приняты необходимые меры.

«НАНЦЕЛЯРСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОМУ ДЕЛУ»

Так называлась статья учителей-комсомольцев Т. Зяблиной, А. Игнатевой и Т. Яковлевой («Литературная газета» № 66 от 17 августа). Авторы статьи сп-

Юбилейного

Любители пустословия

Деятельность литературоведа проф. В. Десницкого уже не раз подвергалась резкой критике на страницах нашей печати. В статье «Против буржуазного либерализма в литературоведении» газета «Культура и жизнь» от 11 марта 1948 г. писала о нем, как об одном из ярких защитников А. Веселовского. Руководители Ленинградской центральной библиотеки Н. Глазцова и Е. Кудрявцева в своем письме в «Литературную газету» с возмущением говорили о статье В. Десницкого «Пушкин и мы», проникнутой пафосом космополитической «всемирности», — статье, в которой все деятельности великого Пушкина сведена к ученическим подражаниям европейским мастерам. И самые последние статьи В. Десницкого вновь содержат серьезные принципиальные ошибки. Гросясь из одной крайности в другую, он утверждает, например, в одной из последних статей, что Пушкин писал о буржуазном обществе «как бы на языке Энгельса» («Звезда», № 6 за 1949 г.), тем самым «объявляя поэта чуть ли не марксистом. Подобно «сотряпанию» — лишний пример той вредной путаницы, которая характерна для литературной деятельности В. Десницкого.

Естественно было предположить, что кафедра русской литературы Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, где долгие годы работает В. Десницкий, не пройдет мимо той критики, которой подвергались статьи В. Десницкого на страницах печати. Кафедра, действительно, выступила, но отнюдь не с критикой ошибок В. Десницкого. Наоборот, она решила похвалить его специальную юбилейную статью «Ученые записки» (том 67), состоящую из восторженно-восхвалительных похвал. Кафедра попыталась заглушить справедливую критику работ своего «мэтра» хором крикливых похвал и словословий.

В. Десницкий, заявляет редактор тома «Ученые записки» и автор вступительной статьи проф. С. Касторский, «представляет собой редкое явление в мире литературной науки», отличается «универсальной образованностью» и не больше ни меньше как «сталоном научного прозрения». Его работы «позволили начать новому, в плане марксистско-ленинской методологии, изучению XVIII и XIX вв.». Он один из «значительнейших научных исследователей творчества Гоголя и Горького», «один из самых крупных специалистов». Он открыл нам «дверь в творческую лабораторию великого писателя» — Горького. «Он не только руководитель, блестящий организатор, а и наставник, воспитатель, друг, учитель советского студенчества, аспирантов, докторантов, научных работников» и так далее, без конца. Словом, В. Десницкий — «чуть ли не глава советской литературной науки! Густыми, шедыми мазками рисует С. Касторский монументальный образ В. Десницкого — основателя, зачинателя, воспитателя, учителя, руководителя, наставника.

Что же, однако, «основал», чему учил и на какой путь «наставлял» В. Десницкий? Об этом автор старается особенно не распространяться, отсылаясь общими фразами. А жалю. Об упомянутой выше вступительной статье В. Десницкого «Пушкин и мы» С. Касторский говорит лишь, что в ней отчетливо высказана мысль «об огромной ведущей роли русской литературы, как самой передовой, идейной литературы в мире». В действительности же, вся статья В. Десницкого от первой до последней строки направлена против этой неопорной мысли.

Присоединяясь к словам французского критика о том, что «судачливое, заставляющая его (Пушкина... О. Е.) родиться в России, могла бросить его в любую другую страну...», Десницкий заявляет, что

«Ученые записки» кафедры русской литературы института имени Герцена вызывают возмущение. Совершенно очевидно, что самое название «Ученые записки» послужило для некоторых работников кафедры лишь прикрывалом, — под ее прикрытием они протаскивают материалы, которые, конечно, не печатаются бы в один советский журнал, ни одна наша газета.

Как видим, кафедра русской литературы решила во что бы то ни стало, раскрасить вопреки, вопреки стихам, повести «нерукопотворенный памятник» В. Десницкому. «Ученые записки», вышедшие кафедрой, — своеобразный памятник вдохновенного пустословия, памятник, который не прибавит славы ни юбиляру, ни сочинителям юбилейных восторгов.

Рабства жизнь, молодая женщина кончат самоубийством. Вот, наконец, третий герой романа — веселый негр Энтерран Харрис Флиберт. Вместе с американцами в страну пришли страшные законы расовой дискриминации. Негры, мулаты, индейцы превратились в рабов. Система унизительных зачетов преследует их по пятам. Негр пользовался уборной для белых, и его уносили. «Преступник» нигде не мог устроиться. «Черный список» следовал за ним из города в город, из селения в селение. Как и Анхела, Флиберт кончат самоубийством.

Трагедия героев романа — это трагедия венесуэльского народа. Селение Кабимас как бы символизирует собой всю Венесуэлу. Американские деньги захватили здесь богатые нефтью земли, лишая туземцев работы. Кабака, притоны, публичные дома — вот то, что принесла с собой в Венесуэлу американская цивилизация.

Деморализованные, обнищавшие герои романа ненавидят американских хищников. Но они еще не понимают, в чем причина их бедствий. «Во всем виновата нефть...», — мистически думают они. «Нефть отравляет народ. Самый здоровый превращается в бешеного зверя. Тут, наверное, дело в заплах...» И венесуэльцы проклинаят свое нефтяное богатство.

Совершенно иные человеческие отношения, иные судьбы людей встают со страниц романа советского писателя Мехти Гусейна «Ашерон». Подобно Ансельмо Соту, приезжает на нефтеромыслы герой этой романа — молодой колхозник Таир. В советской стране человек — хозяин своей судьбы, все зависит от его усилий, возможностей, труда. Таир попадает в бригаду прославленного мастера Рамазана. Запах нефти, который кажется венесуэльцам исчадием ада — родной для Рамазана. Забывая историю про старика сочинили молодые рабочие. Рассказывали, будто Рамазан сохвал свою друзей и завещал по-

В ССП Белоруссии

Обсуждение газеты «Литература и мастацтва»

Правление Союза советских писателей Белоруссии обсудило работу редакции газеты «Литература и мастацтва».

В своих выступлениях П. Глебка, К. Крапива, М. Климкович, П. Ковалев, И. Гурский, В. Борзенко и другие отметили серьезные недостатки и ошибки в работе редакции.

Газета сильно отстает от жизни, летает в хвосте событий. Отдел критики и библиографии ведется неудовлетворительно. Выступавшие правильно критиковали многие статьи и рецензии, помещенные в «Литература и мастацтва» (отдельные статьи П. Панченко, С. Майхровича, В. Витки, П. Нефедя, Я. Шаркоховского, а также и редакционные статьи).

Как справедливо указывалось в газете «Правда» («Своя рука владыка») и в газете «Советская Белоруссия» (редакционная статья «За принципиальную большевистскую литературную критику»), в «Литература и мастацтва» отсутствует глубокая большевистская принципиальность, часто редакция об одном и том же произведении высказывает два противоречивых, исключаящих друг друга мнения. Так было с оценками повести А. Кулаковского «Закалка» и поэмы А. Зарико «Свантаские сады».

Особенно сказывается беспринципность и боязнь настоящей большевистской критики тогда, когда дело идет о содранках редакции. Так, секция поэзии считала слабой и поверхностной поэму сотрудника редакции А. Бачили, а в следующем же номере газеты, после этого обсуждения, появилась большая отрывок из названной поэмы. Стихи сотрудника редакции Н. Гомолики также получили необоснованную оценку на обсуждении в секции, но это не помешало редакции утверждать в своей заметке, будто бы секция признала стихи хорошими. Напечатан безграмотно, путанно статью главного редактора Н. Горцева о социалистическом реализме, газета сочла возможным умолчать о критических выступлениях республиканской партийной печати по этому поводу. Всячески игнорируя указания писательской общественности, Н. Горцев дошел до того, что своей рукой стал вычеркивать всяческую критику, направленную в адрес Н. Горцева, как одного из авторов пьесы «Цветок Тянь-Шаня». Газета стремится избежать открытого, честного признания своих ошибок, пытается во что бы то ни стало выгородить себя. На открытом партийном собрании о недостатках пьесы «Цветок Тянь-Шаня» сказано очень много. Но в отчете, напечатанном в «Литература и мастацтва», вся эта критика была заменена общими рассуждениями.

Все участники обсуждения подвергли критику работу газеты и, вскрыли недостатки в работе редакции, указывая пути их устранения. Но, как ни странно, главный редактор газеты Н. Горцев старался эти недостатки смазать или же доказать их незначительность.

Правление Союза советских писателей Белоруссии признало справедливой критику газеты «Литература и мастацтва» в «Правде» и «Советской Белоруссии» и наметило ряд конкретных мер к улучшению работы редакции.

ПЕРЕВОДЫ КЛАССИКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МИНСК. (Наш корр.). В Государственном издательстве Белоруссии в новых изданиях вышли на белорусском языке «Аптанская дочка» и «Стихи» А. Пушкина. Подготовлен одноименный избранный перевод Я. Куралы. «Медный всадник» (перевод Я. Куралы), «Полтава» (перевод Я. Коласа), «Буря» (перевод П. Глебки), «Взрыв» — следующий перевод «Евгения Онегина» осуществил А. Кулешов. Этот роман вышел отдельным изданием и включен в одноименный Над переводами пушкинской лирики работали поэты П. Бровка, П. Глебка, М. Танк, М. Лужанин, А. Острейко, В. Шаховен.

Впервые вышла на белорусском языке комедия А. Грибоедова «Горé от ума» в переводе М. Лужанина. Готовится издание «Поэм» М. Лермонтова, одноименная избранных произведений И. Крылова, «Мертвых душ» Н. Гоголя и одноименника статей В. Велиянского.

См. «Литературная газета» № 68, 71, 72.

Литературные дискуссии

О товарищах потомках

Ник. АСЕЕВ

Я не читал стихов Г. Горькова до полемик, возникшей в «Литературной газете». Горьковость нападения на них и защиты заставила меня обратиться к первоисточнику. Прочитав поэму «Дремлевские звезды», я понял, что дело здесь не в Горькове, а в традиции Маяковского. Сама поэма дает основание и похваляем и порицанием. Что поэма подражательна, видно сразу и невооруженным глазом. Что поэма ученически плодотворна, заметно только при ближайшем внимательном рассмотрении. Творческую жизнь ее признает и первый из критиков, Ир. Пятляр, неправильно характеризуя метод творчества Горькова, как стилизацию. Стилизацией мы называем подделку под тот или иной стиль, подделку, быть может, и мастеровую, но хладнокровную и безжалостную.

Между тем, сам критик отмечает, что «новая поэма Горькова оптимистична...». Голос поэта звучит искренне и возмущенно. Как это примирить с последующим заключением критика, понять трудно. В дальнейшем Ир. Пятляр утверждает, что «желание максимально приблизиться к Маяковскому уводит Горькова далеко в сторону от Маяковского». Но ведь если голос Горькова звучит искренне и возмущенно, а поэма оптимистична, то этим самым Горьков и приближается к Маяковскому! Как же можно при этом одновременно и уходить от Маяковского? Одно из двух: или Горьков стилизует, т. е. холодно подделывает под Маяковского, или он искренне и возмущенно следует за ним в попытках создать поэму, в которой «много светлого и живого юмора», которая «оптимистична». Так у Ир. Пятляр не складается попытки и заключения.

Не решая окончательно осудить творческие тенденции Горькова, критик, однако, сурово предостерегает поэта от дальнейшего развития их, заранее обрекая автора на неудачу. Почему такая предвзятость мнения у критика? Почему при всей почтительной фразеологии по отношению к Маяковскому Ир. Пятляр все же рекомендует отказаться от принципиальных позиций следования характерным особенностям его стиха? Происходит это, думается, потому, что критик сам не близок к творчеству Маяковского. Ведь, если бы это было так, Ир. Пятляр пародовалась бы тому, что молодой поэт разрабатывает поэтическое наследство Маяковского; это так естественно при малейшей симпатии к этому наследству. И совершенно естественно быть недовольным и осуждать такую поэтическую позицию при внутреннем сопротивлении особенностям творчества Маяковского. Тогда и искренний и возмущенный голос, признанный самим критиком, будет казаться стилизацией, подделкой.

Ир. Пятляр хочет, чтобы Горьков стал не похож на Маяковского, а похож на всех наших лучших современных поэтов, являющихся, по мнению критика, «в той или иной степени учениками Маяковского и наследниками его традиции». Ну, если наследников много, то размечать наследство неодо. Свести на нет характерные черты его, сделать его непериметным, неузнаваемым. И опять же, если «все лучшее», то и лучший и талантливый ставится в один ряд, на одну доску со всеми, делается обычным явлением нашей поэзии.

Но если критик Ир. Пятляр все же отвечает как-то талантливостью и жизненностью поэмы Горькова, то Ал. Сурков уже прямо с первого же слова разогнет это произведение. «Поспешно, небрежно, кое-как» написана поэма «Дремлевские звезды», заявляет Ал. Сурков. Поэмы Горькова, по мнению Ал. Суркова, «вопреки и к литературному вкусу и к элементарным правилам стихосложения». Я понимаю, что хочет сказать Ал. Сурков:

См. «Литературная газета» № 68, 71, 72.

под элементарными правилами стихосложения он подразумевает стихословное строение стиха; литературным вкусом он признает только свое отношение к стиху. Но разве нет людей с иными литературными вкусами, с иным пониманием жизни стиха? Почему же Ал. Сурков отказывает молодому поэту в праве понимать стих по-своему? Опять-таки, почему же, почему и Ир. Пятляр берет за руку Горькова и хочет отвести его посылать от Маяковского, уверяя, что именно тогда он и приближается к Маяковскому: по глубокой своей внутренней отчужденности от Маяковского, от его художественных средств, от его постоянного беспокойства за наше искусство, за его будущее.

Я понимаю, что Ал. Суркову не легко примирить эту отчужденность с необходимостью признавать силу и мощь голоса Маяковского, сейчас очевидные для всех. Правильно признавая роль Маяковского в нашей поэзии, критика поэмы Горькова очень приблизительно оценивают способы работы Маяковского, которые хочет освоить Горьков. Так, например, Ал. Сурков, говоря о рифме Маяковского, понимает рифму только как звуковую, заканчивающую строку. Между тем, именно Маяковский, разбив каноническую строфу, создал возможность для созвучий не только в конце строки, но и в середине и в начале ее. Много лет назад я уже писал в специальной работе о комплексной рифме, о рифме не буквенной, а звуковой, но, очевидно, это стало пренебрежением, и Ал. Сурков предпочитает толкование рифмы, каким оно было до Маяковского. Это тоже дело вкуса, и его право — настаивать на своем понимании. Но затем же отказывает молодому поэту в новом понимании рифмы, называя небрежностью, например, такое созвучие, как «шахта-шахта» или «очерта-очередями». Я не настаиваю на большом богатстве этих рифм, но звуковое тождество в них налицо. Именно звуковое, разговорное, а не начертательное, буквенное. Но это опять-таки дело вкуса. Доказать этого нельзя. Маяковский доказывал это всей своей практикой и все-таки не был услышан теми, кто, казалось бы, должен был слышать в первую очередь, — собратиями своими по поэтической деятельности. И когда закончил разговор о средствах поэтической выразительности, то, оказывается, мы опять возвращаемся к поэтической рифме, как «звучу, заканчивающей строку», а не услышавшего смысла сказанного, подчеркивающего оттенок значения. И после этого говорят еще о формализме! Да это уже не формализм, а схоластика.

И вот, оказывается, что виноват-то не Горьков, которого критикуют за близость к Маяковскому, а сам Маяковский, забывающий малых сих на следовании за собой. Нужно, по крайней мере, присутствовать всем, имеющим касательство к нему, а особенно тем, кто лишь начинает свою деятельность. И тогда — беда молодому поэту, осмелевшему открыто и принципиально следовать по пути, проложенному Маяковским. Пусть он будет искренен и талантлив, пусть сами критики вынуждены признавать это, — ему не поспорится ни от похвал, ни от нравочений.

Сперва против него поднимается увещательный голос молодого критика (молодой против молодого!), затем раздается и более мощный и сердитый голос, а там, глядишь, и пойдет гулять клычка «ямитатора», что уже совсем страшно, так как имитатор — это даже не стилизатор, а просто подделыватель. Самог Маяковского не обвинили в неточной рифме (хотя при жизни как еще обвиняли!), но зато Горьков распыляется за свое пристрастие к рифме не как к простому, «конечному звуочному строку».

См. «Литературная газета» № 68, 71, 72.

Если же кто-либо дерзнет поднять голос в защиту человека, осмелевшего следовать Маяковскому, то уж тут милости не жди. Тут уж окажется и «портяжное» описание, поправившееся С. Кирсанову из-за схожести, мол, с его собственной поэмой. Хотя почему «портяжное» здесь означает дисквалификацию? Точно не может быть мастера в каждой профессии! Тут примонитаны и Северин и Бальмонт, на которых, дескать, похож Кирсанов. Не забудет и дялю Михеев («опираясь на расшнурованную Фому Смыслову»), хотя по каким признакам можно сравнить рекламу папироза «Зефир» с прославлением доблести советского бывшего солдата, — совсем непонятно. Ведь так же попрекали Маяковского и тем же самым дялем Михеем за его плакаты и лозунги!

Что же касается самого Маяковского, который является основой дискуссии, вышней поэмой Горькова, то вот что еще нужно сказать.

Своя значение творчества Маяковского к распаляющему влиянию на всех советских поэтов, Ал. Сурков, как и Ир. Пятляр, делает, по-моему, ошибку. Ведь если все испытывают влияние, оставаясь самостоятельными, то к чему же грустить о том, что «у нас слишком мало говорят и динут о продолжении великой традиции Маяковского»? Но в том-то и дело, что не только мало, но и совсем нет разговора о традициях советской поэзии, которую завещал Маяковский своим потомкам. И это происходит, по-моему, от какой-то ложной предвзятости, от нежелания не только развиться на Маяковского, — это не обязательно, — но и сравнивать себя с Маяковским в своем творчестве.

Пужно бы говорить прямо: «Мы не хотим сравнивать себя с Маяковским по неудаче результатов сравнения. И не только не хотим сравнивать, но не хотим и развиваться. А всякое явление, напоминающее нам о возможности равнения на него, вызывает досаду и раздражение...»

По-моему, это неправильно. Я горжусь тем, что жил и работал в годы Маяковского. Я горжусь тем, что и по мое творчество лег отблеск его пламенности. И я ни капли не чувствую унижения в том, что масштабы его и моего дарования — несоизмеримы. Такие, как Маяковский, появляются раз в сто, а то и в двести лет в поэзии. Началом новой эпохи в человеческом поэтическом созвонии остается Маяковский. Началом, а не концом, как полагают некоторые безразличные к нему люди. Рассуждают так: «Ал. был Маяковский, остался неповторимым, отозвонил свое — с колдовскими дадой; теперь — другое время, другие песни». Это глубоко ошибочно. У Маяковского вдохновение было постоянно, как рабочее настроение, как активная литература, не могущее не откликаться на все, что задает советских людей, на все, что их возмущает, радуется, огорчает. И это рабочее настроение, гражданская активность были не просто действием отозвонив на какое-либо явление, а умением раскрыть, осветить, показать это явление так неприменно ярко, что оно становится доступным и для тех, кто ни был затронут до конца. Для этого требовались средства художественной изобразительности небывалой силы. Не патетическое провозглашение в область вкусов, симпатий, литературных склонностей, а быстрое, активизирующее, впечатляющее в нужном автору направлении. — такое влияние оказывала поэзия Маяковского на всех, воспринимавших ее.

Этому умению, этому вдохновенно нельзя научиться, не полюбив Маяковского хотя бы в малой степени. Поэту так часто у нас возражают против самого стремления молодежи попытаться следовать за Маяковским со стороны людей, вкусы которых не принимают поэтической особенности Маяковского, по которые приравнивается с необходимостью его приравнивая как общественного деятеля.

Вот об этом следует поднять дискуссию: что и как делать молодежи, любящей Маяковского и не встречающей поддержки, а, в лучшем случае, слышанной суровое провозглашение о «неповторимости» Маяковского, о безнадёжности всех попыток продолжать его дело.

Литературная хроника

◆ Ленинград. Секретариат Ленинградского отделения ССП на очередном своем заседании обсудил книгу очерков писателя И. Колтунова о строителях газопровода Кохля-Ярва—Ленинград, новую книгу стихов В. Кежуня «Дальние дороги» и план работы секции поэзии. План предусматривает обсуждение новых произведений В. Сапорова, Ж. Гаузер, Е. Катери, В. Кошечкина, А. Гаузера, С. Купера, Д. Дара и других, а также разбор прозы подготовляемого к печати «Ленинградского альманаха». С октября секция поэзии организует систематические выступления писателей (устные альманахи) на крупнейших предприятиях города — Кировском заводе, «Электросила» им. С. М. Кирова, «Светлана».

◆ Ташкент. Несколько групп узбекских писателей побывали в хлопковых районах. В составе «Патриота Узбекистана» председатель Союза советских писателей республики Ш. Рашидов рассказал хлопководам, над какими произведениями, посвященными 25-летию Узбекской ССР, работают писатели. Затем Мигун, М. Шейхматов, Мирмухаммед и другие поэты и прозаики прочли отрывки из своих новых произведений. Поэзия советских бригад в колхозах и совхозах республики продолжает развиваться.

◆ Львов. Вышел из печати журнал «Радянський Львів» № 8. В отделе прозы помещен рассказ Ивана Франко «Гуцульский король». Рассказ публикуется впервые.

◆ Минск. Общественность города отметила 20-ю годовщину со дня смерти известного белорусского поэта Павла Груса. В минском окружном Доме офицеров состоялся большой вечер, посвященный памяти поэта. Вечер открыл П. Глебка. С докладом о жизни и творчестве П. Груса выступил А. Зарский.

С. БАБЕНЫШЕВА

ДВА РОМАНА—ДВЕ СУДЬБЫ

Два романа рассказывают о нефти и нефтяниках: «Нефть» венесуэльского писателя Рамаза Диаса Санчеса и «Ашерон» азербайджанского писателя Мехти Гусейна. Два лагеря, две системы. Там, в Венесуэле, стране колонизированной Уолл-стритом, нефть — проклятие. Здесь, в стране социализма, нефть — жизнь, богатство, радость людей.

В поисках нефти американские империалисты бродили по всему свету. Попали в их орбиту и Венесуэла — страна Латинской Америки.

Разорение, нищета, бедствия, смерть принесла американская экспансия жителям Венесуэлы. Об этом правдиво и художественно повествует Рамаза Диас Санчес.

Здесь «деньги похожи на монеты колдуна из сказки: они превращаются в соль и воду», — говорит в романе старый крестьянин Касильяно. Монеты превращаются в воду, люди — в нищих.

Трагична судьба «маленьких людей» — героев романа Санчеса. Вот молодой и красивый парень Ансельмо Соту. С группой других рабочих он приехал на нефтеромыслы в селение Кабимас. Как и все его товарищи, он верит, что «черное золото» принесет ему счастье. Но прошло несколько лет, Ансельмо потерял жену, работу, заболел и стал нищим. Поруганное человеческое достоинство, погибшие иллюзии — итог этой «нефтяной горячки».

Вот красивая и умная красочка Анхела. Американский делец Хорхе взял ее в жены. Но кончился контракт, Хорхе решил возвратиться в Америку и бросил Анхелу. Брак, — ничинно говорит этот делец своим друзьям, — удобный способ добиться женщины, которая тебе понравилась, а развод — самое большое удовольствие брака».

Рабства жизнь, молодая женщина кончат самоубийством.

Вот, наконец, третий герой романа — веселый негр Энтерран Харрис Флиберт. Вместе с американцами в страну пришли страшные законы расовой дискриминации. Негры, мулаты, индейцы превратились в рабов. Система унизительных зачетов преследует их по пятам. Негр пользовался уборной для белых, и его уносили. «Преступник» нигде не мог устроиться. «Черный список» следовал за ним из города в город, из селения в селение. Как и Анхела, Флиберт кончат самоубийством.

Трагедия героев романа — это трагедия венесуэльского народа. Селение Кабимас как бы символизирует собой всю Венесуэлу. Американские деньги захватили здесь богатые нефтью земли, лишая туземцев работы. Кабака, притоны, публичные дома — вот то, что принесла с собой в Венесуэлу американская цивилизация.

Деморализованные, обнищавшие герои романа ненавидят американских хищников. Но они еще не понимают, в чем причина их бедствий. «Во всем виновата нефть...», — мистически думают они. «Нефть отравляет народ. Самый здоровый превращается в бешеного зверя. Тут, наверное, дело в заплах...» И венесуэльцы проклинаят свое нефтяное богатство.

Совершенно иные человеческие отношения, иные судьбы людей встают со страниц романа советского писателя Мехти Гусейна «Ашерон». Подобно Ансельмо Соту, приезжает на нефтеромыслы герой этой романа — молодой колхозник Таир. В советской стране человек — хозяин своей судьбы, все зависит от его усилий, возможностей, труда. Таир попадает в бригаду прославленного мастера Рамазана. Запах нефти, который кажется венесуэльцам исчадием ада — родной для Рамазана. Забывая историю про старика сочинили молодые рабочие. Рассказывали, будто Рамазан сохвал свою друзей и завещал по-

хоронить его там, где нет нефти. Почему так? — спросил его. И бригадир ответил шути: «Туда, где я буду лежать, нефть обязательно притечет сама».

Различно отношение героев романа Мехти Гусейна и Рамаза Диаса Санчеса к людям, к жизни, к труду.

Разрозненно, одиноко живут герои романа «Нефть». Свой обособленный мирок, свой дом, свои заботы, свои нужды.

Чувством дружбы, взаимопомощью проникнута вся атмосфера в романе Мехти Гусейна. Помогают друг другу рабочие промыслов, помогают друг другу соревнующиеся третьи, понимая, что благодаря этой помощи «соперник» становится сильнее. Советским людям чужда мелкая, эгоистическая забота о себе.

Высоко чувство достоинства у героев романа Мехти Гусейна. Каждый рабочий знает, что талант его обнаружится, способности используются. «Самое хорошее в работе на промысле — это то, что нельзя топтаться на месте», — говорит один из героев романа «Ашерон», молодой рабочий Джамиль. — Даже если захочешь, все равно не удасться».

Социалистический труд формирует, организует сознание человека. В первую очередь работы на промысле у неопытного Таира приключилась беда: он пропал в учетку глинистого раствора. Приостановилась работа на буровой. Остро ощущая свою виновность перед коллективом, юноша решает вернуться в деревню. Но Рамазан — не только превосходный мастер, он опытный руководитель. Чуткое отношение бригадира рассеивает сомнения юноши, он возвращает на буровую. Патриотизм, умение государственно относиться к жизни, связывать каждый день своего труда с делами Родины — вот качества, которые воспитывает в Таире Рамазан.

Таир вместе с другими комсомольцами много и упорно учится мастерству нефтяника. Пролетит неопытное время, и юноша уже не только исполнитель, но и творец:

он выступает инициатором нового движения — совмещения профессий.

Это движение среди советских нефтяников рождено само жизнью. В середине прошлого года газета «Бакинский рабочий» опубликовала письмо бурового мастера Ашурбекова, который призвал рабочих промыслов приобрести вторую профессию (слесаря, токаря, электротехника).

Верный действительности, Мехти Гусейн отразил в романе это замечательное движение — новое свидетельство идейного роста людей.

В романе «Нефть» мы видим, как американские экспансионисты разжигают национальную вражду в Венесуэле. Расовая дискриминация доводит героев Санчеса до самоубийства. На бакинских буровых промыслах работают люди разных национальностей. Прочные дружеские отношения объединяют героев Мехти Гусейна — мастера Рамазана и его заместителя Васильева. Их дружба — символ дружбы русского и азербайджанского народов.

Новый мир человеческих отношений, братская дружба советских людей различных национальностей характерны для героев романа Мехти Гусейна.

Сравнительный анализ двух романов евро раз подтверждает решающее значение мировоззрения в творчестве художника.

Различно и творческая манера писателей. Рамаза Санчес, прекрасный художник, честно и эмоционально говорит о трагедии венесуэльцев. Автор сочувствует трудящимся, простым людям, но не может подказать своим героям выход из создавшегося положения. Это сужает значение книги. Растерянность, отсутствие ясной цели ошущается и в построении романа, представляющего собой ряд повел, в которых судьбы людей никак не связаны между собой. Каждый живет и страдает в одиночку. Пессимистическим относится к жизни герой романа, пессимизм сказывается и в авторском мироощущении. Даже лебяз в романе мертвый, лишенный радости.

Передовое мировоззрение помогает Мехти Гусейну видеть путь героя, сказывается в

МИСТЕР ЭТТЛИ ЗАГОВОРИЛ...

Б. ЛАВРЕНЕВ

Премьер-министр Великобритании мистер Эттли не пользуется широкой популярностью в своей стране. Офицоз лейбористской партии «Дейли геральд» стремится объяснить сие мало приятные обстоятельства... молчаливостью премьер-министра.

Если Эттли будет часто выступать с речами, — заявляет «Дейли геральд», — то это может помешать ему выполнять сложные и ответственные обязанности главы правительства. Всячески оправдывая, таким образом, молчаливость мистера Эттли, газета утешает читателей тем, что «когда у премьера все же находится время для выступления, его стоит послушать».

канской программы подготовки агрессивной войны. Свои излияния премьер-министр закончил зыбким призывом к населению Англии — быть лояльным к лейбористам, верить им и надеяться, что только лейбористское правительство превратит реки Англии в мощные потоки молока, выдаваемого без карточек, а берега рек — в ревенный кисель.

КИНО НА СЛУЖБЕ У ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Американская кинопромышленность и, в частности, кинохроника (так называемые «ньюсрипы») являются орудием пропаганды в руках Уолл-стрит. Камера кинооператора, — писал недавно американский прогрессивный еженедельный бюллетень «Ии факт», — это искусный лжец. Новости не только снимаются, они фабрикуются. Киноплёнка — очень гибкий и эластичный материал не только в прямом, но и в переносном смысле.

Австрийские фашисты и их покровители

Недавно в Штирии (английская зона Австрии) чуть не произошла катастрофа. Речь идет не о каких-либо изменениях в природе или экономике. Катастрофа угрожала всего лишь штирийской областной библиотеке. Но бедствие это представлялось, видимо, столь опасным, что для предотвращения его были созваны обе палаты австрийского парламента.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ

Лев СЛАВИН

На полях Бизонии сейчас идут осенние маневры американских оккупационных войск с участием войск государств так называемого «Западного союза».

В то время как гитлеровские войки разговаривали американскому генералобусу о предстоящем возрождении нацистской армии и о предпринимаемых ими мерах, де Тассини скупил о невозможности поднять французский народ на войну против Советского Союза.

рующейся сейчас западногерманской «полицейской». Военно-воздушный флот градируется под «коммерческую авиацию». А военно-морской флот раздается в личную торговлю мореплавателям.

Большинство городов Западной Германии еще и сейчас, спустя четыре года после окончания войны, представляет собой груду развалин. Около миллиона немцев, составляющих так называемое «подземное» население Бизонии, ютится в подвалах, бывших бомбоубежищах и погребах.

Именно это решение и показало, кому в Австрии равнодушным... катастрофе. И завывали от огорчения все не какие-либо нацистские молодчики, а представители ныне правящей в стране «американской» народной партии, ее видные деятели, занимающие высокие посты в правительстве и делающие погоду во второй палате парламента, так называемом Федеральном совете республик.

Гром из Китая и отзвук на Уолл-стрите

Б. РОЗАНОВ

Ведкая национально-освободительная гроза, грозовые раскаты которой слышатся сейчас над всем Китаем, вызывает в лагере империалистов и в первую очередь на Уолл-стрите не только озабоченность и тревогу, но также озлобление и приступы агрессивной активности.

Видим и горошковые клеветнические заявления американского посольства в Кантоне, направленные против народно-демократических властей Китая, и откровенное обсуждение плана оккупации Формозы американскими войсками как «лионской территории».

режиму!), в то же время лихоходочно составляют проекты затравливания дальнейшего роста национально-освободительного движения в Азии.

в другом месте» — так озаглавлена эта красноречивая статья. И в этом заглавии основная ее идея, откровенный ее смысл.

направить объединенной группе начальников штабов в Вашингтон послание, многозначительно озаглавленное: «Стратегические последствия событий в Китае».